

ЮБИЛЯРИЙ

— Владимир Наумович, история мирового кинематографа, наверное, насчитывает немного случаев, когда режиссеры с именем, перешагнув 70-летний рубеж, продолжали бы активно снимать, не снижая высокой планки. В чем ваш секрет?

— Ну такие прецеденты есть. Только что был юбилей у Рязанова, который очень активно снимает. Это все зависит от множества обстоятельств. Во-первых, от характера. Лично для меня жизнь без какого-либо дела невозможна. Даже когда врач говорит: "Иди прогуляйся по улице", — то просто так гулять я не могу. Я должен найти себе цель. Может быть, это и болезнь. К счастью, так сложилась моя судьба, что и в солидном возрасте у меня есть работа, огромное количество дел, на которые мне иногда 24 часов не хватает. Даже ночью я рисую, если не спится. В час, в два, когда все мои домашние укладываются... Я хочу сказать, что, конечно, для всего этого необходимо здоровье. Вот Хичкоку однажды задали вопрос: какие качества нужны настоящему режиссеру? Он ответил: первое — здоровье, второе — здоровье, третье — здоровье, четвертое... девятое, а десятое — если можно, немножечко таланта.

— Всего год назад вышел ваш фильм "Часы без стрелок". И почти сразу же вы взялись за новую работу — "Мадонна на асфальте".

— Это современный роман — стремление соединить разные жанры: и трагедию, и комедию, и криминал. Осталось несколько съемочных дней. Недавно на Москве-реке снимал гондолу, привезенную мною из Венеции вместе с настоящим гондольером. Я отношусь к предметам и городам как к неким одушевленным созданиям. Все мы знаем, что с Венецией творится беда, она по-настоящему больна. Даже несмотря на карнавалы, буйство красок, все равно ее пронизывает какая-то печаль. Или вот, например, гондола. Для меня это тоже живое существо, имеющее свою душу. Мне пришла мысль: а как же ей будет плохо, печально и грустно в снегу, когда она уже никому не нужна?! Так возник новый эпизод: гондола вся в сосульках, запорошенная снегом, а героиня с ней общается. Желательно, чтобы при этом еще шел снег...

Главную роль играет Наташа Наумова — моя дочь, которая окончила актерский факультет у Джигарханяна и режиссерский у Суриковой во ВГИКе. Она снималась довольно много, но никогда не встречалась в кадре с матерью. И вот впервые они в этой картине будут вместе. Кто еще? Джигарханян играет, Ясулович, Сторожек, Страхов. Может, кого-то забыл. Играет еще и Боря Щербаков. В самом начале съемок погиб Анатолий Ромашин, и мне очень хочется хоть немного продлить его творческую жизнь. Поэтому я сейчас внимательно высматриваю фрагменты, которые остались с Толей. И надеюсь, что они войдут в картину.

— Я читал, что у вас с Александром Аловым была мечта снять "Мастера и Маргариту". Она еще может осуществиться?

— Нет. То есть мечта, может быть, и осталась, но сил не осталось. Для того чтобы снять "Мастера и Маргариту", необходимо много физических сил. Наверное, сейчас я не в состоянии этого сделать. Там ведь не только мистицизм, философия, психологизм, там еще и масштаб! Например, бал Воланда должен быть просто вселенским. А снимать его в "усеченном" виде не хотелось бы.

— Почему же за долгие годы вы так и не приступили к этой работе?

— Почему же? Мы к ней приступили. Была замечательная история, когда Елена Сергеевна, вдова Булгакова, появилась здесь у меня, вот в этой квартире. Она — вылитая Маргарита, жила на грани физической жизни и какого-то необыкновенного духовного существования. Ее фантазии, ее мечты, ее сны были для нее не менее реальны, чем бытовая жизнь. Она приходила к нам с Аловым и говорила:

Входишь в его квартиру — и как будто оказываешься в совершенно другой эпохе.

Массивный кожаный диван с деревянными резными подлокотниками, точно такие же кресла, узенькие лакированные шкафчики с причудливо выгнутыми ножками, зеркала и картины, картины, картины... А между тем хозяин всего этого отнюдь не кажется человеком из прошлого. Владимир Наумов, замечательный наш режиссер, в соавторстве с Александром Аловым снявший в прошлом веке немало шедевров советского кино (достаточно вспомнить хотя бы "Легенду о Тиле", "Бег" или "Тегеран-43"), и ныне снимает картины одну за другой, да еще взвалил на себя нелегкую ношу президентства Академии кинематографических наук и искусств. В это можно и не верить, но сегодня Владимиру Наумовичу исполняется 75.

торая умерла уже давным-давно. Стоит в шубе, которую я на ней не видел никогда.

— Мистика какая-то.

— Да. Я открыл дверь, впустил ее. А сам чувствую, что нахожусь в каком-то совершенно непонятном состоянии. Понимаю, что этого не может быть... Говорю: "Елена Сергеевна, девочки спят уже, пойдемте на кухню, я вас чайком угощу". Она отвечает: "Я на секундочку, меня Михаил Афанасьевич ждет в такси. Я пришла сказать, чтобы вы не нервничали. Он не будет снимать картину". Она не произнесла фамилию Климов, она сказала "он". И ушла. Попытки ее задержать были неудачными.

Утром я ушел на студию, спокойно работал. Подумал только: "Вот ведь сон какой дурацкий". А когда вернулся домой и залез в душ, то увидел огромный синяк на том самом месте, которое как бы во сне ударил. Мне стало страшно... Месяца 3—4 еще шли разговоры о предстоящих съемках. А потом неожиданно пошла на убыль. Климов так ничего и не снял.

— Давайте вернемся в день сегодняшней. Вручение премии вашей киноакадемии "Золотой орел" перенесли из-за трагических событий в Северной Осетии, а потом про нее словно вообще забыли...

— Мы должны были вручать премию 27 сентября, но случилось несчастье в Кармадонском ущелье, погибли наши товарищи. Мы не могли себе позволить в тот момент радоваться и торжествовать и решили перенести церемонию. Сейчас я уже могу назвать точную дату — 24 января следующего года.

— Ваша жена и дочь имеют прямое отношение к кино. В семье принято вести профессиональные разговоры?

— Для нас это страшная мука и одновременно самый сладкий наркотик, от которого невозможно избавиться. С утра до ночи, уже после того как сделано полкартины, все равно происходит обсуждение эпизодов, которые давным-давно сняты. Перпетуум мобиле какой-то.

— После долгих метаний между юриспруденцией и кино дочка Наташа все-таки выбрала семейную профессию и стала режиссером. Можно сказать, что дочь — вся в папу?

— Мне трудно судить, но жена говорит, что в меня. Белохвостикова очень неконфликтный, спокойный и соглашающийся человек. Если что-то не получается, она не переживает, моментально переключается. А дочь всегда добивается своего.

— Вы что-то советуете ей как отец и одновременно продюсер ее картины "Год лошади"?

— Я попытался, но безуспешно. Она не принимает моих советов. Например, сейчас, в декабре, Наталья снимает лето. Я бы и хотел посоветовать, как выкрутиться из этой ситуации, но она говорит: я сама.

— У нее твердый характер?

— Очень. Например, я ни разу не был допущен на съемочную площадку, хотя и являюсь продюсером картины. Наташа стремится во всем быть самостоятельной и лично принимать решения. И я решил: пусть она сделает ошибку, но пусть это будет только ее ошибка. Но получается наоборот: некоторые вещи я начинаю у нее находить и использовать для себя. Понимаете, на мне лежит определенный груз моего возраста, моего поколения, моего воспитания. А Наташа — совершенно другой человек. На одни и те же события мы смотрим по-разному. И мне очень важен ее взгляд. Ведь, несмотря на свои 75, я еще способен меняться.

— Неужели остались вещи, которые вам хотелось бы в себе изменить?

— Я очень вспыльчивый человек. Могу поспешить с выводами, могу обидеть человека ни за что. Потом, конечно, буду колебаться, мучиться, но всегда найду в себе силы извиниться, сказать "прости", даже через три месяца позвонить. С возрастом я стал более миролюбивым, раньше был намного агрессивнее.

Дмитрий Мельман.

ОТЕЦ КИНОСЕМЕЙСТВА

Владимир Наумов:
"Дочь меня не слушается, и правильно делает"

"Володечка, Сашенька, эпизод надо пере- снять. Так хочет Михаил Афанасьевич". Сначала мы держали ее за чудачку: пожилую, милую, импозантную, очень красивую чудачку. Но постепенно начали понимать, что это не шутка и не розыгрыш. Это правда. Для нее самой это правда. И мы выполняли ее просьбы, не могли сопротивляться.

Однажды она пригласила нас на обед. Мы вызвали ей такси. Проехав метров двадцать, машина вдруг сдала назад. Елена Сергеевна открыла дверцу и крикнула мне: "Почему вы в траурной рубашке?" — "Боже мой, Елена Сергеевна, у меня просто черная рубашка. Мне ее Евту-

шенко из Америки привез". Она говорит: "Нет, это траурная рубашка". Закрyla дверь и уехала. На следующее утро мы узнали, что она умерла.

И вообще с "Мастером и Маргаритой" связано много таинственного и мистического. На сценарий претендовали многие: и Михалков, и Таланкин, и Гайдай, и Рязанов, и мы в том числе. Но, к сожалению, так сложились обстоятельства, что предложили снимать Климову. Пошла огромная реклама, все уже было на мази... Я был очень расстроен. Но как-то ночью в моей квартире раздался звонок. Я проснулся, побежал к дверям, по дороге ударился коленкой обо что-то. Смотрю в глазок, и у меня все внутри обрывается: там стоит Елена Сергеевна Булгакова, ко-

Наташа Булгакова Владимировна

1.12.02